

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теории и истории языка и прикладной лингвистики

**Маркеры эпохи в публицистических текстах
(Е.Гришковец «Театр отчаяния. Отчаянный театр» и П.Вайль и
А.Генис «60-е. Мир советского человека»)**

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ
РАБОТЫ МАГИСТРА

студентки 2 курса 252 группы
направления Филология 45.04.01
Института филологии и журналистики

Измайловой Екатерины Витальевны

Научный руководитель

Доцент, к.ф.н., доцент
должность, ученая степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.В. Каменская
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав. кафедрой д.ф.н. профессор
должность, ученая степень, уч. звание

подпись, дата

О.Ю. Крючкова
инициалы, фамилия

Саратов 2020 г.

Введение. Исследование посвящено выявлению лексико-семантических и лексико-морфологических способов воплощения категории времени в публицистическом тексте.

В зависимости от времени и места лексемы, как и явления, получают разные возможности для возникновения и развития. Одни могут находиться в употреблении долго, но при произнесении этих слов у нас не возникает никаких ассоциаций. В нашем сознании не появляется ассоциативный «мост», соединяющий нас и конкретную эпоху. Другие слова, употребленные вовремя и к месту, ярко характеризуют какое-либо явление. Даже если они использовались недолго, но за этот период смогли вместить сведения о времени, когда это слово было наиболее актуально. Такие единицы являются свидетелем конкретного времени, так как способны отдавать информацию, накопленную о конкретном времени. Следовательно, слово обладает таким свойством как ёмкость [Синкина, 2008]. В работе такие единицы будут называться **маркерами эпохи**.

Целью работы является выявление актуальной в историко-культурном тексте семантики маркеров эпохи, особенностей их функционирования и формирования художественного времени прозаических произведений.

Задачей работы является рассмотрение понятия темпоральности в лингвистике; выявление языковых и неязыковых способов выражения темпоральности в языке; рассмотрение существующих классификаций средств выражения пространственно-временных отношений; определение и уточнение значения термина «маркер эпохи»; определение критериев для отбора маркеров эпохи в отдельные группы; выявление способов включения маркеров эпохи в текст.

Актуальность работы обуславливается возрастающим интересом исследователей к изучению маркеров времени, как единиц, отражающих определенный временной культурно-исторический период, и, в связи с этим, особенно важных и показательных для отдельно взятой культуры.

Научная новизна исследования отличается тем, что в работе

основной фокус направлен на особенности использования маркеров эпохи в текстах, написанных в разные периоды о советском времени. Для их изучения используются не только лексические, стилистические, но и историко-культурологические источники.

Объектом исследования являются лексико-семантические и лексико-морфологические способы воплощения категории времени в публицистических текстах. **Предметом исследования** – маркеры эпохи, в семантической структуре которых выражаются временные отношения.

Материалом исследования послужил мемуарный роман Е. Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр» (2018 г.). Для анализа были выбраны главы, которые охватывают 70-80-е годы XX века. А также роман П.Вайля и А.Гениса «60-е. Мир советского человека» (1988 г.). Для анализа были выбраны отдельные главы (по тематическому признаку).

В романе Е.Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр» проанализированы 163 единицы, в романе П.Вайля и А.Гениса «60-е. Мир советского человека» – 225 единиц.

Практическая значимость исследования. Результаты проведенного исследования дают возможность разработать методологию и методику дальнейшего изучения маркеров эпохи, приступить к составлению словаря, который, кроме теоретической и культурологической значимости, будет полезен современным студентам и школьникам.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав («Глава I. Подходы к изучению времени», «Глава II. Изменения в лексике как проявление категории времени», «Глава III. Фазовая характеристика темпоральной семантики в текстах о советской эпохе»), заключения, списка использованных источников, литературы и приложения.

Основное содержание работы. В первой главе «Подходы к изучению времени» было выявлено, что некоторые слова русского языка обладают таким свойством, как хронотопичность. Это означает, что в их семантической структуре есть компоненты, свидетельствующие о

темпоральной привязанности лексической единицы, хотя они не являются специализированной темпоральной лексикой [Бондарко, 1990].

Существует множество подходов к изучению категорий темпоральности в языке, каждый из которых основывается на определённом признаке: языковых способах выражения, противопоставлении реального времени и художественного, особенностях восприятия пространственно-временных отношений разными народами и обществом в целом.

Объектом рассмотрения языковых средств выражения темпоральности может стать семантика слов, их принадлежность к определённой части речи и функционирование в тексте и т.д.

Темпоральность в языке может выражаться совокупностью морфологических, синтаксических средств языка, специальной временной лексикой, средствами контекста и стиля. Немаловажную роль играет то, как то или иное явление найдет отражение в языке и как будет воспринято и интерпретировано говорящим в определённой ситуации [Виноградов, 1975].

Несмотря на то, что временной центр выражен, прежде всего, в системе глагольных форм (прошедшего, настоящего и будущего времени), в большинстве случаев глагол в работе не будет рассматриваться. Это связано с тем, что в своей семантической структуре глагол не способен указывать на определенное событие или временной промежуток, исключение будет делаться для тех глаголов, временное значение которых актуализировано в контексте. В работе основной упор будет сделан на исследование лексико-морфологических и лексико-семантических показателей времени.

Вторая глава «Изменения в лексике как проявление категории времени» посвящена выявлению и уточнению предмета исследования, то есть языковых единиц, в семантической структуре которых выражаются временные отношения.

Долгое время языковыми единицами, способными маркировать советскую эпоху, было принято считать советизмы и идеологемы, так как они непосредственно связаны с социалистической организацией власти

Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса. В дальнейшем стало понятно, что при исследовании текстов советского времени, написанных в разные эпохи, недостаточно оперировать понятием «советизм», так как использование этого термина не дает возможность обратиться к тем единицам, которые вошли в язык в советское время и актуальны для той эпохи, но не содержат политический и идеологический компонент

В дипломе такие единицы названы **маркерами эпохи** – это слова, словосочетания и текстовые фрагменты актуального словаря определённого периода, которые в своей семантической структуре содержат темпоральный компонент, позволяющий ассоциироваться с определенным временным отрезком и разграничивать его на более конкретные темпоральные участки.

Главными результатами второй главы стали: определение основного термина, выделение основных ключевых признаков, по которым можно соотнести лексические единицы с данным понятием, определение способностей МЭ к формированию темпоральной шкалы определенной эпохи, выявление важнейших концептуальных приоритетов эпохи. Отличительной особенностью МЭ является то, что они способны являться не только разграничителями эпохи, но и признаками конкретной эпохи.

В третьей главе «Фазовая характеристика темпоральной семантики в текстах о советской эпохе» исследование проводилось на материале романа П.Вайля и А.Гениса «60-е. Мир советского человека» и на материале мемуарного романа Е.Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр». Материал расклассифицирован по показателям времени, с учетом отношений темпоральности и основных критериев для разделения средств – грамматических и семантических признаков.

Среди способов определения времени совершения событий значительное место занимают **лексико-морфологические показатели**, а именно **темпоральные адвербиалы (ТА)**. В ходе грамматического и семантического анализа нами был выделен тип ТА по принципу соотношения одного действия с другим.

Каждое событие, включенное в план повествования, занимает определенное место на «временной линии». Эти действия или события формируют временные отношения между ситуациями, указывая на их последовательность (предшествование, последовательность, настоящее время и т.д.). Данную очердность можно представить с позиции *раньше–позже*. Например, «*Взрослые разговаривали с детьми на метафорическом языке, где книга называлась источником знаний; а скворцы – пернатыми друзьями. Это специальное наречие изобиловало оптимистическими словами – весна, рассвет, улыбка, дорога, ветерок. (Потом они все стали названиями закусочных.)*» [Вайль, 1988: 6]. ТА *потом* выполняет функцию фазовой лексемы, а именно имеет значение срединной фазы, так как в момент речи действие является законченным – на это указывают как лексема *потом*, так и глагол *стать*, выраженный в предложении прошедшим временем. Все предложение, заключенное в скобки, является комментарием, посредством которого автор показывает читателям то, во что превратились все стремления и идеи по построению светлого будущего.

Помимо темпоральных адвербиалов в тексте встречаются **темпоральные коннекторы (ТК)**, указывающие на определенный период, начало, середину или конец временного промежутка выполнения действия. Например, «*Это потом я узнаю, что пантомима была весьма популярна в интеллектуально-творческих кругах в 60-е годы*» [Гришковец, 2018: 39]. ТК *в* и порядковое числительное (*60-е, 70-е, 80-е* и т.д.) указывают на промежуток, который целиком соотносится с обозначенным действием. В другом примере ТК указывает на событие, которое является началом определенного темпорального выполнения какого-либо действия: «***В начале 60-х*** катакомбное искусство неожиданно вышло на поверхность» [Вайль, 1988: 91] компонент *начало* несет в своем значении сему темпоральности «*первый момент или первые моменты какого-нибудь действия, явления*».

Среди **лексико-семантических средств**, отсылающих к советскому периоду, значительную часть занимают **советизмы** (идеологемы,

нейтральные советские реалии и антисоветизмы). В этой группе часто встречаются **лексико-словообразовательные советизмы**, образованные с помощью сокращения основ и добавления к слову второго компонента: *генсек, обком, агитбригада, культпоход и т.д.*

Не менее частотными оказались **«семантические советизмы»** – новые общественно-политические значения нейтральных, неидеологизированных, слов, появившиеся или актуализировавшиеся в советское время. Например, *«Нелепо требовать от **партии** распустить колхозы (никто этого и не требовал), но можно настаивать на своем праве писать верлибром»* [Вайль, 1988: 14]. Лексема *партия* пришла из французского языка и означала *«политическую организацию какого-нибудь общественного слоя, выражающую и защищающую его интересы, руководящую им для достижения определенных целей и имеющую свою программу»* [ТСО, 2011]. Уже в СССР ее значение было конкретизировано до *«коммунистической партии Советского Союза»* [ТСЯС, 1998: 420-421] и приобрело грамматический потенциал (прилагательное *партийная пресса, партийные руководители, партийные документы*, существительное *партийность*). В современных словарях это значение уже не фиксируется.

Помимо семантических советизмов, в тексте встречаются реалии, которые приобрели **оттенки значений (коннотации)**, появившиеся в 20-70-е гг. XX века. Например, интересно проследить, как изменилась коннотация лексем *миллионер*, это слово считалось бранным и обозначало человека, наживающего деньги нечестным трудом», почти как жулик: *«С трибуны ООН он [Хрущев] мог в течение шести минут излагать два длинных анекдота из жизни царской России, в Заключительном слове на XXII съезде рассказывать потрясенным сталинскими преступлениями делегатам о вкусе слоновьего мяса и охоте на тигров, а американским **миллионерам** – про верблюда»* [Вайль, 1988: 74].

Во второй группе представлены МЭ, получившие темпоральный компонент в контексте, в связи с тем, что называли реалии определенного

времени. В следующем примере мы видим подробное описание процесса настройки *магнитофона* перед прослушиванием музыкальных произведений: *«Магнитофон, усилитель и акустическая система в той квартире были великолепные. Японские. Я таких прежде ни у кого не видел. Человек в белой рубахе сходил в другую комнату и принёс катушку с плёнкой... Магнитофон и усилитель включили, зажглись огоньки и экранчики индикаторов. Вдохнули и зашипели колонки. Все притихли, магнитофон начал вращать катушки, и плёнка потекла с одной на другую. Сначала зазвучала флейта»* [Гришковец, 2018: 51]. Процесс настраивания магнитофона описывается с помощью глаголов действия: *«зажглись огоньки и экранчики индикаторов»*, *«магнитофон начал вращать катушки, и плёнка потекла с одной на другую»*. Следующее предложение *«вдохнули и зашипели колонки»* построено с помощью стилистического приема олицетворение. Лексема *японская* в тексте имеет коннотативное значение «качество»: японская техника в СССР ценилась, поэтому купить ее было трудно.

Третья группа МЭ имеет темпоральный компонент, обусловленный известной ситуацией или рядом событий, которые закрепили в актуальном словаре советского времени новую лексему. Многие МЭ этой группы состоят из контекстов, связанных с известной ситуацией, ограниченной темпорально. В следующем примере: *« <...>когда в 1964 году судили Иосифа Бродского, ему инкриминировали не антисоветскую деятельность, а тунеядство. <...>В партийных документах и газетных фельетонах люди, занимающиеся неофициальным искусством, выглядели безграмотными, необразованными, ленивыми («окололитературным трутнем» был назван Бродский)»* [Вайль, 1988: 78]. Известное в истории Советского Союза событие актуализируется с помощью ПИ *Иосиф Бродский* и вспомогательных фрагментов *1964 год, суд, тунеядство, окололитературный трутень* которые в контексте становятся маркерами соответствующей прецедентной ситуации.

В четвертую группу МЭ входят слова, которые имеют в своей семантической структуре компонент, относящий их к определенному

событию или периоду. Например, «*если бы не война*», «*не воевали*» [Гришкoveц, 2018: 19] лексема *война* как для советских граждан, так и для современного человека, имеет темпоральный компонент, который отсылает ко Второй мировой войне и к Великой Отечественной войне. В ассоциативном словаре ЕВРАЗ первыми реакциями, отсылающими к определенному событию, на стимул *война* стали: *мировая, холодная; ВОВ, отечественная, и т.д.* [ЕВРАЗ, 2014: 30]. Война для советского народа имела большое значение, поэтому противопоставление *воевал/не воевал* в тексте советского времени может характеризовать персонажа и его образ.

К пятой группе относятся МЭ, выраженные именами собственными (топонимами), указывающими на местоположение объекта, локализованного во времени. Например, «*Те зимние каникулы я очень хотел провести в Ленинграде*» [Гришкoveц, 2018: 18]. *Ленинград* – название Санкт-Петербурга с 1924 по 1992 гг. [ТСЯС, 1998: 309], которое использовалось официально в документах и средствах массовой информации. Помимо официального названия советского города встречалось и народное *Питер*, усеченное от старинной формы *Санкт-Петербург*: «*Дима только что из Питера. Привёз запись. Только-только закончили писать... Ему дали... Гребенищikov лично*» [Гришкoveц, 2018: 50]. Употреблять в молодежных кругах модное жаргонное слово *Питер* вместо привычного официального *Ленинград* было проявлением вольности по отношению к советской системе.

В шестую группу вошли слова-анахронизмы, с помощью которых в тексте описывается советская реальность. Цель использования анахронизмов – сопоставить две эпохи: советский период и современность. Например, «*В них [хиппи] фантастически преломилось всё: и музыка, и литература, и прочие месседжи их кумиров*» [Гришкoveц, 2018: 55]. Лексема *месседж* от английского *message* — *сообщение* пришла в современный молодежный сленг совсем недавно [Мостицкий, 2012]. Во всех толковых словарях советского периода и даже современных словарях эта лексема еще не зафиксирована. В следующем примере «*Я никогда не видел, чтобы люди*

такое могли делать. *Брейк-данса тогда ещё не существовало, а про Майкла Джексона мы не слыхивали*» [Гришковец, 2018: 66] американский уличный танец *брейк-данс* появился в СССР к середине 80-х, но в связи с тем, что был под формальным запретом, не был хорошо знаком советской молодежи. Не случайно, что сам герой-нарратор говорит: «*брейк-данса тогда ещё не существовало*». То же самое произошло и с творчеством Майкла Джексона, популярность которого выросла в 80-е, но его стиль музыки и западный образ жизни нарушал принципы социалистического мировоззрения, поэтому о нем советское общество узнало значительно позже.

Заключение. Среди всех лексико-семантических способов выражения темпоральности в романах самыми частотными оказались МЭ, второй группы, которые указывают на всю советскую эпоху, реже – на крупный период. В связи с этим МЭ этой группы можно отнести к ключевым словам советского времени, так как они дают полное представление о времени повествования, затрагивая все стороны жизни советского человека.

Оба романа были написаны в разные эпохи, поэтому отличаются особым стилем повествования, способом включения единиц в текст, а также языковой рефлексией авторов над МЭ. В связи с этим были выявлены другие группы лексико-семантических и лексико-морфологических средств, которые позволили сопоставить и охарактеризовать каждый роман, опираясь на историко-культурологический контекст эпохи.

Текст П. Вайля и А. Геннса «60-е. Мир советского человека» был опубликован еще в советское время (но в эмиграции) и поэтому ориентирован на читателя, знакомого с советскими реалиями, но ориентированного на западные ценности. В связи с этим в романе чаще встречаются советизмы-идеологемы, которые отражают советский строй, идеологию и систему, актуализируясь посредством использования лексических штампов, слов-неологизмов и т.д. Помимо идеологем, встречаются антисоветские реалии, которые наполняют текст не только новыми оттенками смыслов, но и помогают создать яркие и ироничные

выражения, раскрывая образы героев и событий.

В романе «60-е. Мир советского человека» используются МЭ третьей и пятой группы: они помогают авторам достоверно описать советский период и, на основе приведенных МЭ, усилить свою точку зрения по поводу какого-либо явления или события в стране.

Среди лексико-морфологических средств выражения времени выявлены темпоральные коннекторы, которые в тексте помогают выстроить причинно-следственные связи, указать не только на действие или событие в прошлом, но и определить временной промежуток, момент начала или окончания какого-либо действия или явления.

Автобиографический роман Е. Гришковца «Театр отчаяний. Отчаянный театр» был создан в 2018 году для современного читателя, это объясняет то, что автор реже использует советские реалии и старается их всячески комментировать. В романе чаще встречаются нейтральные советские реалии и МЭ, которые имеют в семантической структуре компонент, относящий их к определенному событию или периоду. Реалии данной группы, как правило, не имеют в своей семантике ярко выраженного оценочного компонента, многие слова этих групп актуальны и сейчас.

В отличие от первого романа, во втором тексте сюжет акцентирован на одном молодом герое-нарраторе и его личной сюжетной линии. В связи с этим повествовательная линия практически не прерывается и не имеет резких переходов между событиями, делая основной акцент на личных переживаниях героя и событиях. Вместе с этим в романе можно встретить фрагменты, в которых герой-нарратор отступает от ведущей повествовательной линии и дает свой авторский комментарий по поводу того или иного явления или события. По этой причине тексту Е.Гришковца свойственны темпоральные адвербиалы, с помощью которых создается контраст двух временных планов для описания советской действительности.

Особенность повествования заключается в частом использовании слов-анахронизмов, которые помогают сопоставить советское прошлое и

настоящее время, в котором написан роман. Для того чтобы указать на анахронизм, автор часто использует темпоральные адverbials, в которых время выражается косвенно. Комментарий дается автором намеренно, чтобы пояснить читателю смысл того или иного события или ситуации в стране.

В ходе исследования также были найдены различные способы включения МЭ в текст: стилистические средства (сравнение, метонимия, градация, перифраза, ирония и т.д.), а также различные актуализаторы культурной коннотации (использование разностилевой лексики, поясняющих или уточняющих конструкций, слов с оценочной коннотацией и т.д.), с помощью которых автор описывал реалии советского прошлого, давал свой комментарий и подчеркивал свое отношение к ней и т.д. Использование всех этих приемов говорит о рефлексии авторов над языком советского времени, то есть об осмыслении, анализе и реакции на использование языковых средств в процессе функционирования речи.

Подводя итоги, можно сказать, что МЭ представляют своеобразную энциклопедию своего времени и поэтому характеризуются национально-культурной и общественно-исторической спецификой. Они способны прямо или косвенно затронуть все области жизни человека.